

Страх, который нас выбирает

Коммерсантъ - daily, - 1997.

И который выбираем мы — 15 нояб. — с. 10

В Петербурге в серии «Русский ПЕН-клуб» издательства «Блиц» вышла новая книга прозы Даниила Гранина с красноречивым названием «Страх». Страх — вечная и актуальная тема, но вечность и актуальность в разные исторические эпохи пересекаются в разных точках.

Авторы психологической прозы, снискавшие славу в советское время, переживают сейчас особые неудобства. Массовый успех, внимание читателей (и соответствующие гонорары) сконцентрированы вокруг полюса, где работают авторы детективов, фантастики и прочей массовой беллетристики. Постмодернизм при поддержке западных интеллектуалов представляет другой полюс успеха, привлекательность которого обеспечивают такие слова, как «грант», «постструктурализм», «университетская аудитория».

Аналитическая проза, ощущая свою невосребованность, испытывает притяжение первого или второго полюса в зависимости от того, какой ближе. Так, Валерий Попов претворяет мичуринский опыт прививки стволу серьезной литературы дичка массовой — боевика и эротического бестселлера. А Андрей Битов окружает ранее изданные вещи строительными лесами постмодернистских комментариев, сознательно меняя таким образом контекст прочтения.

Стратегию приобщения к тематике «другой прозы» (термин, родившийся на заре перестройки) можно увидеть в новой книге Даниила

Гранина «Страх». Если бы эта книга была издана семь или десять лет назад, ее бы отнесли к разряду не очень страшной «советской чернухи». Название сборника, объединившего ранее опубликованные вещи, не только красноречиво, но и симптоматично. Гранин делает ставку на самый ходовой товар из преискуранта ощущений постсоветского человека. Страх — это именно то, о чем рассуждать приятно в той же степени, в какой неприятно его испытывать.

Ошибутся, однако, те, кто откроет эту книгу в поисках источников современного страха. Их сегодня так много, что не стоит и перечислять. Но Гранин говорит совсем о другом времени и других страхах, в фокусе — прошлое. Это род исповеди, обращенной к тем читателям, которые его хорошо знают. И помнят, что одна из первых повестей Даниила Гранина, вышедшая в 1949 году, называлась «Победа инженера Корсакова». Другая, с не менее победительным названием — «Искатели», принесла успех молодому ленинградскому писателю и вышла в 1954-м, в самом начале «оттепели». Да и в названии романа «Иду на грозу» слышится мужественная угроза злу образца 1962 года. «Иду на Вы», — предупреждал 34-летний Гранин, рифмуя зло и природу и убеждая советского читателя, что в борьбе подлинного ученого и бескомпромиссного человека с трусливым карьеристом и честолюбцем победа всегда на стороне мужества.

Предлагая теперь читателю антологию всех видов страха, которые он испытывал на протяжении своей жизни, Гранин создает своеоб-

разные комментарии к своим прошлым произведениям. Договаривая то, о чем не мог сказать раньше. «О том, какое большое место в моей жизни занимал Страх, сколько прекрасных порывов души погасил он в жизни моего поколения, сколько он извратил в характере, как он обессиливал, какие горькие воспоминания оставил».

Признание, достойное «Исповеди» Руссо или «Моей исповеди» Толстого. Но если читатель ждет фантастических саморазоблачений, то он ничего не понимает в замысле писателя. О чем вспоминает автор книги «Страх»? О том, что не поднял голос в защиту Зощенко, когда того шельмовали за непатриотичный ответ английским студентам, хотя сочувствовал именно Зощенко, а не собранию трусливых ленинградских писателей. Или как дочь Гранина назвала в сочинении любимым героем «Войны и мира» Платона Каратаева, а ее учительница распекала писателя за плохое воспитание дочери. Как Евгений Лебедев скрывал, что его отец священник, а Григорий Козинцев упал в обморок на встрече группы кинематографистов со Сталиным после вопроса последнего: «Кто режиссер?» А Сталин-то собирался похвалить картину. Или как Твардовский отказался разговаривать с родным отцом и братом, приехавшими из ссылки специально, чтобы попросить о помощи начинающего, но уже знаменитого советского поэта, но поэт не смог преодолеть страх потери выбранного пути, оказавшийся сильнее, чем муки совести.

Сознательно или неосознанно Гранин использует в своей книге ложный ход, состоящий в том, чтобы спровоцировать недоброжелательного читателя на злорадное осуждение — вот, мол, при Сталине и Хрущеве, в условиях цензуры, в меру честному и в меру либеральному писателю была свойственна интонация бодрого оптимизма, а как только цензурные барьеры оказались снятыми, он заговорил о страхе. Читатель, чуждый благородства, размахивается, желая нанести удар, и попадает мимо цели, ибо страхи писателя оказываются вписанными в аккуратные рамки разума и совсем не такими разрушительными, как у Шаламова или Сорокина. Гранин не пугает читателя, и читателю не страшно.

Владимир Даль определяет страх как ощущение испуга от грозящего или воображаемого бедствия. Если этой версией страха поверять современную российскую историю, то вполне банальное утверждение, что в сталинскую эпоху больше было реальных опасностей, а в постсоветскую — воображаемых, не должно сильно покоробить тех, кто сегодня боится намного больше, чем вчера. Роль социального аутсайдера почти не зависит от специальности в прошлой жизни; писатель и шахтер в равной степени испытывают муки от того, что на уголь и честные книги нет спроса. Этот вид страха требует особого художественного языка, но кто упрекнет писателя за то, что он пишет не о страхах сегодняшнего дня, а борется с ними, описывая страхи прошлого?

МИХАИЛ БЕРГ